

Новая Польша 3/2008

0: СЕКРЕТНАЯ АУДИЕНЦИЯ

После тяжелой болезни на 67-м году жизни скончался профессор Стефан Меллер, выдающийся дипломат, бывший министр иностранных дел Польши.

Ниже мы печатаем отрывок из книги бесед Михала Комара со Стефаном Меллером, опубликованный в “Тыгоднике повшехном”.

— Прежде чем в апреле 2002 г. ты прибыл в Москву в качестве польского посла, ты побывал еще и в Ватикане.

— В понедельник в полдень я должен был идти на аудиенцию к Папе Иоанну Павлу II. Я до сих пор не знаю, кто это организовал. Ты знаешь, мне в жизни приходилось волноваться, но подобного я никогда не испытывал. Вначале я пошел к министру Цимошевичу, потому что считал, что обязан ему об этом сообщить. Мы решили, что я полечу в Рим уже не как заместитель министра и не с официальным визитом, а как самое обыкновенное частное лицо, как профессор истории, хотя я все еще путешествовал с дипломатическим паспортом. Во время визита у папского нунция в Варшаве я пытался расспросить его, как себя вести на аудиенции. Мой собеседник так развеселился, что начал надо мной смеяться. Разумеется, во всей этой сумятице я его даже не спросил, какой подарок прилично было бы вручить Папе. В последнюю минуту мне пришло в голову, что вместо того, чтобы изобретать какие-то глупости, я просто привезу в Рим мою книгу. Я взял две из них. Первая — это “Прощание с революцией”. Она показалась мне самой подходящей, потому что в приложении были напечатаны мои тексты, взятые из подпольных (в свое время) изданий. Для меня это было чем-то вроде способа представиться — не только в качестве историка. Кроме того, я взял с собой французский перевод моей книги о Турени во времена Французской Революции, потому что я там довольно много писал о преследованиях и казнях священников. Я жутко мучился, придумывая дарственную надпись. Я полночи над ней просидел, а сейчас даже вообще не помню, что я там написал.

И я прилетел в Рим весь в напряжении, да еще и после бессонной ночи. Михал Радлицкий, наш посол в Риме, повел себя замечательно: вытащил меня на какую-то прогулку, чтобы я немного расслабился.

Наконец этот момент наступил. Я въезжаю на машине в Ватикан. Меня встречают швейцарские гвардейцы, куда-то меня ведут, потом мы поднимаемся в лифте, а я в этом волнении ничего не вижу, иду как лунатик. Вхожу. Большое помещение, прямо передо мной — письменный стол. А я, как дурак, очки забыл, так что ничего не видел. До сих пор не помню, был ли там кардинал Дзивиш, папский личный секретарь. Подо мной просто ноги подкашивались. Вошел Папа — согбенный, сгорбленный, медленно, постепенно передвигаясь. Я подошел, поздоровался с ним, он сел за письменный стол. Рядом со столом стоял стул, он показал жестом, чтобы я тоже сел. Я произнес несколько обычных вежливых фраз и вручил ему обе книги. Он посмотрел на обложку и сказал только: “Я знаю, пан профессор, что вы этими вопросами интересовались”.

Первые минуты разговора тянулись целую вечность, мне показалось, что уже час прошел. Я с отчаянием думал, что говорю какие-то банальности, а время уходит. Перед тем, как я вошел, мне сказали, что в моем распоряжении около двадцати минут, а из них прошло уже семь.

— Ты действительно не помнишь начала этого разговора?

— Все-таки кое-что у меня в голове осталось. При всем своем смущении я не мог не заметить двух вещей. Его улыбки — легкой, уголком рта, потому что я действительно выглядел тогда со стороны довольно забавно, — и доброжелательного интереса. Но, с другой стороны, его взгляд был необыкновенно внимательным, почти пронзительным — глаза как бы насквозь просвечивали собеседника. И эти глаза совершенно не вязались с улыбкой. Их как будто взяли у другого лица. Это был взгляд человека, который очень спокойно, с интересом, беспристрастно, но очень внимательно наблюдает за своим собеседником. Улыбка была доброжелательная, а глаза — пронзительные. Говорил Папа очень тихо, и я был вынужден все время напрягаться, чтобы всё услышать и понять.

Разговор начался с Норвида. Моему собеседнику было прекрасно известно, что я интересуюсь Норвидом, прежде всего периодом его пребывания в Париже. Он сам творчество Норвида знал великолепно. Мы потом

говорили, в связи с моими книжками, о французской революции, о судьбе священников — и тех, кого истязали, и тех, кто подписывал бумажки о лояльности революционному порядку... Иоанн Павел II прекрасно знал историю Революции, задавал вопросы общего характера, но очень меткие, он точно знал, о чем спрашивает. Были и очень конкретные вопросы — например, о различиях между порядками в Париже и в провинции.

Внезапно я услышал вопрос: “Я слышал, пан профессор, вы в Москву собираетесь?” Тут я понял, какая была связь между Норвидом и Москвой. Я осознал, что потому-то и был приглашен в Ватикан. Затем последовал ряд прекрасно подготовленных, очень четко заданных вопросов о положении в России и о том, в каком направлении это будет развиваться. Я был настроен, наверное, довольно пессимистически (развитие событий, к сожалению, подтвердило мой тогдашний диагноз), так что в какой-то момент услышал из уст моего собеседника шутливый упрек по этому поводу. Следующие вопросы касались текущего положения и истории католической Церкви. В какой-то момент мы заговорили о Евросоюзе. И внезапно — скажу без ложной скромности — я увидел перед собой сияющего человека, счастливого, что он участвует в беседе двух польских интеллигентов, которые читали практически одни те же книги и хотят об этом поболтать.

Как раз в ходе этого обмена мнениями я взглянул на часы, внезапно осознав, что назначенное мне время наверняка истекло. Я был вынужден посмотреть на часы еще раз, с более близкого расстояния, потому что был без очков. И в этот момент Папа откинул полу ряссы, наклонился и подставил мне почти под нос тыльную сторону ладони. И произнес: “Вы только поглядите, пан профессор, какие у меня красивые часы... А я вот ими не хвастаюсь!”

Я с огромным трудом сдержался, чтобы не расхохотаться. Внезапно на лице Иоанна Павла II я увидел плутовскую улыбку. “Давайте еще поговорим, а когда устану — я вам сам скажу”, — услышал я. Мы вернулись к российским делам: какие я вижу различия между Москвой и, например, Иркутском. С одной стороны, я чувствовал себя немножко как на экзамене, а с другой — был убежден, что будущий посол в России обязан показать, что у него есть свои сформировавшиеся взгляды, что он как следует продумал свою роль в Москве.

Папа слушал очень внимательно. Я помню один его совет: чтобы я особенно старался не поддаваться эмоциям, потому что в моей роли нужно спокойствие. Он дал мне понять, что не надо смешивать польско-российские отношения с отношениями между Москвой и Ватиканом. К этой теме он возвращался дважды.

Уже под конец разговора он спросил, по-прежнему ли я пишу стихи. Я подтвердил, он улыбнулся и сказал: “Вот это хорошо, очень хорошо”.

Я по-прежнему видел эту восхитительную улыбку и глаза — иногда выглядевшие пронизывающе, а иногда искрившиеся плутовским блеском. Но уже появлялись минуты явственного утомления, которое приходило, а потом на время исчезало. В какой-то момент Папа дал понять мне, что уже пора заканчивать. Прежде чем он начал вставать, я услышал еще: “Завтра у меня будет президент Квасневский. Но мы ведь не обязаны говорить, что вы здесь были...”

— Похоже на то, что Иоанн Павел II прекрасно подготовился к этому разговору...

— Прежде чем выйти, я еще раз убедился, что он не только превосходно знал мою биографию (как историка и как поэта), но и великолепно ориентировался и в моей тогдашней личной ситуации. Он поманил рукой одного из священников, и в комнату внесли трое четок в красивой шкатулке.

А теперь я должен сделать маленькое отступление. Моя связь с Эвой длилась уже полтора года; вокруг этого было довольно много шума, потому что у Эвы была семья, а я влюбился в нее без памяти. Я был уверен, что хочу быть с ней до конца жизни. По разным причинам мы не могли пожениться. Это вызвало небольшой скандал в Париже и Варшаве, хотя бы из-за дипломатического протокола. Присутствие Эвы в посольстве создавало определенные трудности, а всегда кишевший интригами МИД теперь бурлил от сплетен. В какой-то момент я даже решил подать в отставку: не мог же я притворяться, что все нормально; я решил, что если мне придется выбирать между дипломатией и Эвой, то я, конечно же, выберу Эву. К счастью, у меня были доброжелательные начальники — если можно так выразиться, мои “болельщики”. И Бронислав Геремек, и Александр Квасневский в этом деле вели себя великолепно. Геремек мне просто сказал, чтобы я не дурил с этой отставкой, потому что именно теперь пора начинать строить новую жизнь. А президент Квасневский, оказывается, следил за развитием нашего романа: однажды он позвонил в Париж, сказал, что смотрит прекрасный любовный сериал, и в шутку спросил, в котором по счету эпизоде мы теперь находимся. Во время моего пребывания в Москве, когда в МИДе действительно начались в связи с этим серьезные проблемы, он повел себя как джентльмен.

— Я так понимаю, что твой собеседник обо всем этом тоже знал?

— Иоанн Павел II вручил мне первые четки и сказал: “Это для вашей дочери, пан профессор”. Я прикидывал, для кого же могут быть остальные? Ведь не для сыновей же. И тогда я слышу: “Вторые — для самого близкого вам человека. А третьи — для ее дочери” (речь, конечно шла о дочери Эвы). Так все и произошло: Папа знал, что я живу в гражданском браке и, несмотря на это, подарил мне четки для Эвы. Мне казалось, я со стула свалюсь.

Потом мы встали. Он потихоньку выпрямился. Передо мной был высокий поляк, человек неслыханного обаяния. Внезапно — это был порыв, я даже не успел все это подумать — я спросил: “Не можете ли вы, ваше святейшество, меня благословить, хотя я и не связан с Церковью?” Он поднял голову и ответил: “Пан профессор, Папа все может, только он уже не в состоянии так высоко поднять руку”. Я все понял и, как стоял, грохнулся на колени, они у меня потом еще несколько дней болели. Папа возложил руки мне на голову... Потом я поднялся и направился к выходу — по-моему, даже не обернувшись. Я был растроган, у меня стояли слезы в глазах, и я стеснялся этого, не хотел, чтобы он это видел. Я ускорил шаги, чтобы побыстрее выйти... и изо всей силы врезался головой в стену... Внезапно я увидел управителя папских покоев, который был гораздо выше меня. Он только улыбнулся и сказал: “Не принимайте этого близко к сердцу, я здесь уже и не такие вещи видел...”

— *А потом ты еще всех поразил своими неприличными выходками...*

— Я вернулся в посольство. В Варшаве было холодно, а в Риме жара, 25 градусов. В квартире Михала Радлицкого — он жил один — была красивая терраса, и я растянулся голышом в шезлонге. Я чувствовал себя страшно уставшим, хотел вздремнуть, но сон не приходил. Я пошел к мини-бару, выпил виски, потом налил еще и еще... Больше я ничего не помню.

Разбудил меня громкий смех Михала. Я не понял, над чем он смеется — надо полагать, голого мужика ему видеть уже приходилось. Но над террасой, о чем я не знал, жили работники посольства. Они все стояли возле окон, вместе с семьями, и наслаждались видом голого замминистра.

Вечером мы ужинали с Ханной Сухоцкой, польским послом при Ватикане. Я к ним приставал с ножом к горлу, чтобы узнать, кто организовал эту аудиенцию, но они только улыбались и говорили, что понятия не имеют. На следующее утро из Ватикана привезли снимки, на которых мы с Иоанном Павлом II сидим за письменным столом.

Стефан Меллер (1942—2008) — историк, дипломат, эссеист, переводчик, поэт. Был научным сотрудником Польского института международных дел, разносчиком молока, переводчиком титров в кинорекламах, репетитором, библиотекарем, старшей косметичкой в кооперативе “Изида”, преподавателем французского произношения в кооперативе “Лингвист”, профессором в Варшавском университете, проректором Государственной высшей театральной школы, директором департамента в МИДе, послом Польши во Франции и в России, наконец — министром иностранных дел. Отец троих детей. Важнейшие публикации: “Камилл Демулен” (1982), “Французская революция 1789—1794 гг. Гражданское общество” (в соавторстве с Яном Башкевичем, 1983), “Революция в долине Луары: город Шинон в 1788—1798 гг.” (1987), “Прощание с революцией” (1991). Два сборника стихов: “Всё на мгновенье” (1973), “Всего лишь минута” (2006). Скончался 5 февраля 2008 г. в возрасте 66 лет.

1: ТАНГО СТЕФАНА МЕЛЛЕРА

Как же трудно свыкнуться с мыслью, что проводили в последний путь Стефана Меллера — историка и дипломата, исключительно честного и порядочного человека, познакомившись с которым уже нельзя было остаться вне его обаяния, общительности и эрудиции.

Одним из переломных этапов в его дипломатической карьере стало неожиданное назначение министром иностранных дел и председателем Комитета европейской интеграции, когда он начал отсчитывать четвертый год своей энергичной деятельности посла Польши в России. Это случилось 31 октября 2005 г. — Казимеж Марцинкевич, формировавший новый кабинет министров победившей на парламентских выборах правоцентристской партии братьев Качинских, предложил Меллеру возглавить польскую дипломатию. Многие тогда это восприняли как показательный жест новой власти: внешнюю политику доверить бывшему послу в России, к тому же человеку, не замеченному ранее в предпочтениях какой-либо партийной ориентации. Мне тогда довелось быть в Москве и посчастливилось взять первое интервью у Стефана Меллера уже в новом для

него качестве. Помню его искреннее удивление перед возлагаемой на его плечи миссией и объяснение согласия, основанного на желании помочь “правительству экспертов” и воспользоваться перспективами новой работы для развития польско-российских отношений.

И без этого важного сюжета в биографии огромен послужной список его 65 летней жизни, укороченной гонениями на интеллигентов в Польше в 1968 году, шестилетним “запретом на профессию” и тяжелой болезнью последних лет. Выпускник Варшавского университета, профессор гуманитарных наук Стефан Меллер работал в польском Институте международных проблем и Государственном архиве, был проректором Высшей театральной школы в Варшаве и научным директором Высшей школы социальных наук в Париже, преподавал историю в университетах Европы и США, много лет возглавлял исторический ежемесячник “Говорят века”. Автор книг и статей по новой и новейшей истории Польши и Европы. А перед тем, как стать во главе посольства в российской столице, несколько лет проработал послом во Франции.

Работа в России оставила в нем глубокий след, многогранно обогатив профессиональный опыт. “Можете напечатать жирным шрифтом — лучшего урока нет”, — упреждающе заметил в беседе со мной Стефан Меллер. Он приехал в Москву, не зная русского языка, а уже через пару месяцев удивлял своих собеседников не только правильным произношением и литературной речью, но и умением рассказывать анекдоты в оригинале. Его стали знать как завсегдатая московских театров. Он не пропускал ни одного важного культурного события. Помню, как в декабре 2002 г. посол Меллер был несказанно горд, что польская национальная опера после семнадцатилетнего перерыва была представлена на сцене знаменитого московского Большого театра. Надо было видеть, как на открытии гастролей варшавского Большого театра (давали оперу Кароля Шимановского “Король Рогер” в нашумевшей постановке Мариуша Трелинского) посол Меллер встречал своих коллег по дипломатическому корпусу, стараясь усадить их на самые удобные места.

Но самым притягательным для него оставались страна и люди. “Главное, я увидел страну в момент трансформации, в момент ее поиска нового места в мире. Люди ищут место для себя, своей семьи, для своей среды. Такой лаборатории я никогда в жизни не видел. Этот опыт заставляет молниеносно отбросить всяческие стереотипы”, — говорил о своем “российском периоде” Меллер. Когда же я заметил, что период его пребывания в России легким отнюдь не назовешь, он быстро ответил: “Для мужчины самое сложное время — это когда он влюбится. Нет более тяжелых периодов”.

Тогда же, в своем первом интервью в качестве министра иностранных дел, Стефан Меллер убежденно сказал, что польско-российские отношения он не считает роковыми, но пояснил: “Как говорит польская пословица — для танго нужны двое. И если нам танцевать вместе, значит, и желание должно быть с обеих сторон. Демократическая Польша нуждается в демократической России, и наоборот. Это не только проблема внешней политики, это вопрос стабильного будущего и нашего региона, и Европы, и мира в целом”. Позже, уже в Варшаве перед депутатами Сейма, Стефан Меллер выступил с подробным докладом о задачах польской внешней политики. Он много времени посвятил ЕС (“пространство свободной конкуренции”), рассказал о важных элементах стратегического диалога с США (даже приоткрыл тайну переговоров о возможном участии Польши в американской системе ПРО), отметил, что “из Германии идут доброжелательные сигналы”, а Франция по-прежнему вызывает у поляков рефлекс симпатии. Но, пожалуй, самым эмоциональным и содержательным оказался фрагмент, посвященный отношениям с Россией. И думается, что это не только потому, что он был услышан из уст недавнего посла Польши в Москве, хотя тогдашний глава польской дипломатии это и подчеркнул.

Это был период, когда польские дипломаты обратили внимание, что с российской стороны идет инициатива улучшения отношений между нашими странами. Владимир Путин был первым, кто прислал соболезнования после трагедии в Катовице — обвал крыши выставочного павильона унес жизни десятков людей. А несколько дней спустя, на ежегодной пресс-конференции в Кремле, в присутствии более тысячи представителей СМИ со всего мира, российский президент назвал русских и поляков “близкими родственниками” и фактически “одной семьей”, отметив при этом глубокое уважение к Польше “за ее вклад в мировую культуру, мировую экономику, в сегодняшние дела в Европе и мире”. Стефан Меллер прямо сказал, что “хочет ответить взаимностью на теплые слова президента Владимира Путина, согласившись с тем, что Польшу и Россию связывает немалый потенциал этнической, исторической и культурной близости”. Он и позже, говоря об отношениях с Россией, все время подчеркивал, что Польша заинтересована в том, чтобы они были нормальными, партнерскими, основанными на проверенном опыте сотрудничества. Однако пути Меллера с властью разошлись. После того, как в правительство вошли представители леворадикальной популистской “Самообороны”, он подал в отставку 9 мая 2006 года.

Последний раз мне посчастливилось участвовать вместе со Стефаном Меллером в организованной Прибалтийским центром культуры в Гданьске конференции “Поляки—русские: взаимоотношения”. Будучи ведущим одной из дискуссий, он полушутя-полусерьезно заметил: “А может, нам договориться и для постоянного напоминания об общей истории установить в Варшаве на Замковой площади копию памятника Минину и Пожарскому, а в Москве на Красной площади — памятник Тадеушу Костюшко?” Так мог сказать только настоящий историк и дипломат.

Валерий Мастеров — собственный корреспондент газет

“Московские новости” и “Время новостей” в Варшаве.

* *

*

Польско-российские отношения складывались действительно не лучшим образом. В том числе и по причине историко-политической психологии. У нас одна коллективная историческая память, у вас — другая. Поскольку в 70-е годы я был связан с оппозицией, то унаследовал глубокую веру в российскую демократию. Польские “самиздаты” посвящали в своих публикациях очень много места России, с которой мы связывали и свои надежды на будущее.

Стефан Меллер в интервью “Московским новостям”

2: ТАНГО СТЕФАНА МЕЛЛЕРА

Как же трудно свыкнуться с мыслью, что проводили в последний путь Стефана Меллера — историка и дипломата, исключительно честного и порядочного человека, познакомившись с которым уже нельзя было остаться вне его обаяния, общительности и эрудиции.

Одним из переломных этапов в его дипломатической карьере стало неожиданное назначение министром иностранных дел и председателем Комитета европейской интеграции, когда он начал отсчитывать четвертый год своей энергичной деятельности посла Польши в России. Это случилось 31 октября 2005 г. — Казимеж Марцинкевич, формировавший новый кабинет министров победившей на парламентских выборах правоцентристской партии братьев Качинских, предложил Меллеру возглавить польскую дипломатию. Многие тогда это восприняли как показательный жест новой власти: внешнюю политику доверить бывшему послу в России, к тому же человеку, не замеченному ранее в предпочтениях какой-либо партийной ориентации. Мне тогда довелось быть в Москве и посчастливилось взять первое интервью у Стефана Меллера уже в новом для него качестве. Помню его искреннее удивление перед возлагаемой на его плечи миссией и объяснение согласия, основанного на желании помочь “правительству экспертов” и воспользоваться перспективами новой работы для развития польско-российских отношений.

И без этого важного сюжета в биографии огромен послужной список его 65 летней жизни, укороченной гонениями на интеллигентов в Польше в 1968 году, шестилетним “запретом на профессию” и тяжелой болезнью последних лет. Выпускник Варшавского университета, профессор гуманитарных наук Стефан Меллер работал в польском Институте международных проблем и Государственном архиве, был проректором Высшей театральной школы в Варшаве и научным директором Высшей школы социальных наук в Париже, преподавал историю в университетах Европы и США, много лет возглавлял исторический ежемесячник “Говорят века”. Автор книг и статей по новой и новейшей истории Польши и Европы. А перед тем, как стать во главе посольства в российской столице, несколько лет проработал послом во Франции.

Работа в России оставила в нем глубокий след, многогранно обогатив профессиональный опыт. “Можете напечатать жирным шрифтом — лучшего урока нет”, — упреждающе заметил в беседе со мной Стефан Меллер. Он приехал в Москву, не зная русского языка, а уже через пару месяцев удивлял своих собеседников не только правильным произношением и литературной речью, но и умением рассказывать анекдоты в оригинале. Его стали знать как завсегдатая московских театров. Он не пропускал ни одного важного культурного события. Помню, как в декабре 2002 г. посол Меллер был несказанно горд, что польская национальная опера после семнадцатилетнего перерыва была представлена на сцене знаменитого московского Большого театра. Надо было видеть, как на открытии гастролей варшавского Большого театра (давали оперу Кароля Шимановского “Король Рогер” в нашумевшей постановке Мариуша Трелинского) посол Меллер встречал своих коллег по дипломатическому корпусу, стараясь усадить их на самые удобные места.

Но самым притягательным для него оставались страна и люди. “Главное, я увидел страну в момент трансформации, в момент ее поиска нового места в мире. Люди ищут место для себя, своей семьи, для своей среды. Такой лаборатории я никогда в жизни не видел. Этот опыт заставляет молниеносно отбросить всяческие стереотипы”, — говорил о своем “российском периоде” Меллер. Когда же я заметил, что период его пребывания в России легким отнюдь не назовешь, он быстро ответил: “Для мужчины самое сложное время — это когда он влюбится. Нет более тяжких периодов”.

Тогда же, в своем первом интервью в качестве министра иностранных дел, Стефан Меллер убежденно сказал, что польско-российские отношения он не считает роковыми, но пояснил: “Как говорит польская пословица — для танго нужны двое. И если нам танцевать вместе, значит, и желание должно быть с обеих сторон. Демократическая Польша нуждается в демократической России, и наоборот. Это не только проблема внешней политики, это вопрос стабильного будущего и нашего региона, и Европы, и мира в целом”. Позже, уже в Варшаве перед депутатами Сейма, Стефан Меллер выступил с подробным докладом о задачах польской внешней политики. Он много времени посвятил ЕС (“пространство свободной конкуренции”), рассказал о важных элементах стратегического диалога с США (даже приоткрыл тайну переговоров о возможном участии Польши в американской системе ПРО), отметил, что “из Германии идут доброжелательные сигналы”, а Франция по-прежнему вызывает у поляков рефлекс симпатии. Но, пожалуй, самым эмоциональным и содержательным оказался фрагмент, посвященный отношениям с Россией. И думается, что это не только потому, что он был услышан из уст недавнего посла Польши в Москве, хотя тогдашний глава польской дипломатии это и подчеркнул.

Это был период, когда польские дипломаты обратили внимание, что с российской стороны идет инициатива улучшения отношений между нашими странами. Владимир Путин был первым, кто прислал соболезнования после трагедии в Катовице — обвал крыши выставочного павильона унес жизни десятков людей. А несколько дней спустя, на ежегодной пресс-конференции в Кремле, в присутствии более тысячи представителей СМИ со всего мира, российский президент назвал русских и поляков “близкими родственниками” и фактически “одной семьей”, отметив при этом глубокое уважение к Польше “за ее вклад в мировую культуру, мировую экономику, в сегодняшние дела в Европе и мире”. Стефан Меллер прямо сказал, что “хочет ответить взаимностью на теплые слова президента Владимира Путина, согласившись с тем, что Польшу и Россию связывает немалый потенциал этнической, исторической и культурной близости”. Он и позже, говоря об отношениях с Россией, все время подчеркивал, что Польша заинтересована в том, чтобы они были нормальными, партнерскими, основанными на проверенном опыте сотрудничества. Однако пути Меллера с властью разошлись. После того, как в правительство вошли представители леворадикальной популистской “Самообороны”, он подал в отставку 9 мая 2006 года.

Последний раз мне посчастливилось участвовать вместе со Стефаном Меллером в организованной Прибалтийским центром культуры в Гданьске конференции “Поляки—русские: взаимоотношения”. Будучи ведущим одной из дискуссий, он полушутя-полусерьезно заметил: “А может, нам договориться и для постоянного напоминания об общей истории установить в Варшаве на Замковой площади копию памятника Минину и Пожарскому, а в Москве на Красной площади — памятник Тадеушу Костюшко?” Так мог сказать только настоящий историк и дипломат.

Валерий Мастеров — собственный корреспондент газет

“Московские новости” и “Время новостей” в Варшаве.

* * *

Польско-российские отношения складывались действительно не лучшим образом. В том числе и по причине историко-политической психологии. У нас одна коллективная историческая память, у вас — другая. Поскольку в 70-е годы я был связан с оппозицией, то унаследовал глубокую веру в российскую демократию. Польские “самиздаты” посвящали в своих публикациях очень много места России, с которой мы связывали и свои надежды на будущее.

Стефан Меллер в интервью “Московским новостям”

3: ИОАНН ПАВЕЛ II И ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР

После кончины Иоанна Павла II и по завершении его понтификата появились новые возможности взглянуть на то, чего он достиг в диалоге с Россией и на причины его — в конечном счете — неудачи. Моя книга “Большая Европа” писалась при жизни Папы, когда возможность найти взаимопонимание с православной Россией еще вырисовывалась реально, а причины конфликта казались преходящими. Тем более я тогда старался — потому что так понимаю задачу историка идей — описывать прежде всего те идеи и действия, которые обладали экуменическим аспектом и способствовали взаимопониманию. Еще до февраля 2002 г., то есть до установления в России католических епархий (диоцезов) существовали крупные шансы на осуществление паломничества Иоанна Павла II во всю Российскую Федерацию — в Москву и Петербург, Новгород и Псков, Владимир и Ярославль, Новосибирск и Иркутск. И мне трудно согласиться с общераспространенным среди католиков мнением, что вину за нынешнее состояние дел несет исключительно Московский Патриархат, втянутый в политику и недалекий от великодержавного национализма. Ответственность несет и римская курия, которая в стратегически неудачный момент приняла решение об установлении католических епархий в России. Таким образом, осуществление эпохальных экуменических планов Иоанна Павла II затрудняла не только вековая неприязнь Москвы к католицизму, особенно в его польском варианте, и втянутость РПЦ в политику, но и традиционное непонимание чувств православных, проявленное римской курией.

Была потом еще одна возможность паломничества в Россию — весной 2003 г., в Татарстан, когда Папа принял решение вернуть икону Божией Матери Казанской. Однако в конце концов это путешествие не состоялось, а церемония передачи иконы прошла в августе 2004 г. в Успенском соборе — в атмосфере мало экуменической, на этот раз уже исключительно по вине Московского Патриархата. Тогда, впрочем, времена стали чрезвычайно трудными для любых экуменических жестов, ибо в России начиналась серия кровавых террористических актов. Сначала произошли два захвата пассажирских самолетов над Тулой и Ростовом, а сразу после этого мир услышал о нападении на ни в чем неповинных людей возле Рижского вокзала в Москве и о террористическом акте с захватом заложниками свыше тысячи детей в Беслане (Северная Осетия).

Разделения в православном мире

К вышеназванным препятствиям в православно-католическом диалоге во время понтификата Иоанна Павла II следует прибавить споры внутри самого православия, где сегодня существует 14 поместных автокефальных Церквей, независимых друг от друга. Административные структуры каждой поместной Церкви, ее иерархия, религиозные обычаи, богослужение и его язык, каноническое право и церковное судопроизводство — все это полностью автономно. Во главе девяти Церквей стоят Патриархи: Константинопольский (Вселенский), Александрийский, Антиохийский, Московский Грузинский, Сербский, Румынский и Болгарский. Пять поместных Церквей: Кипрскую, Греческую, Албанскую, Польскую, Чешских земель и Словакии (вместе) — возглавляют митрополиты или архиепископы.

После распада СССР от Московского Патриархата отложились три Церкви: Эстонская, Украинская и Молдавская. Эстонская добивалась отделения от Москвы и возвращения под юрисдикцию Патриарха Константинопольского, где она была между двумя мировыми войнами. В 1998 г. Патриарх Варфоломей в конце концов согласился заново принять эстонских православных. В начале 1990-х произошел конфликт и между РПЦ и подчиненной ей с 1813 г. (с перерывом на 1918-1944 гг.) Кишиневско-Молдавской митрополией. В 1992 г. Церковь в Молдавии разделилась на две враждующие структуры: автономную митрополию под главенством Москвы и епархию в юрисдикции Румынского Патриархата.

Намного дальше зашли дела с православной Церковью на Украине. После распада СССР значительная часть украинских православных, ссылаясь на историю Киевской Руси и события 1918 г., добивались для своей Церкви статуса Патриархата или по крайней мере автокефальной митрополии. На это так и не выразили согласия ни Москва, которая в 1990 г. лишь наделила украинскую Церковь широкой автономией (Украинский экзархат МП), ни Константинополь. В результате православие на Украине раскололось на три отдельные церкви — каноническую УПЦ МП — и две неканонические: УПЦ Киевского Патриархата и автокефальную. Прибавим, что сопротивление Московского Патриархата устремлениям украинской Церкви приобрести полную самостоятельность вытекает не только из желания сохранить удобное в административном и финансовом отношении статус-кво. Существуют также опасения, что новая автокефалия подвергнет сомнению право Московского Патриархата на наследие православных традиций Киевской Руси.

С Белоруссией таких проблем у Москвы уже нет: там статус автокефалии жаждет получить только православная Церковь в эмиграции (в Канаде и США). Церковь в самой Белоруссии, с 1990 г. также получившая статус экзархата, сегодня остается одной из самых лояльных структур МП. Неслучайно во время паломничества Иоанна Павла II в Киев и Львов в июне 2001 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отправился со своего рода контрпаломничеством в Белоруссию, вдоль ее границы с Украиной. Впрочем, Москва всегда

протестовала или, по крайней мере, выражала молчаливое неодобрение, когда Иоанн Павел II отправлялся в паломничества — в целом очень немногочисленные — в ту или иную православную страну, особенно славянскую. Так было не только во время украинского паломничества, но и во время паломничества в Болгарию в мае 2002 года.

Это разделение и споры в лоне православия, совершенно независимо от того, кто прав и чьи аргументы — вневременные, а чьи — только чисто исторические, должно быть, весьма затрудняли диалог Иоанна Павла II с Россией и вообще восточной Церковью. В поддержку этого тезиса можно привести событие периферийного значения для католической Церкви, сумевшее, однако, повредить контактам между католиками и православными. Греческая Церковь тогда постановила временно уйти из комиссии по православно-католическому богословскому диалогу, мотивируя это тем, что Ватикан поддержал “схизматическую и шовинистическую” Церковь в Македонии. Предлогом стала римская выставка македонских икон, а в Ватикане, вероятно, мало кто отдавал себе отчет в том, что это за конфликт и в чем его суть. Напомним, что в Македонии православная Церковь — и сегодня продолжающая стремиться к полной самостоятельности — остается в споре со всеми православными Церквями и, главное, с Сербской, своей “Церковью-матерью”. Конфликт тянется с 1967 г., когда президент Тито, родом хорват, решил ослабить “сербский фактор” в югославском православии, дав политический “зеленый свет” македонской автокефалии. Прибавим, что автокефальные претензии македонцев не были поддержаны ни одной православной Церковью. Спор продолжается, примером чему служит принятое в ноябре 2003 г. решение македонской Церкви порвать контакты с Сербским Патриархатом. Македонцы обвинили присланного им из Белграда экзарха в том, что он сеет религиозную ненависть... Как мы видим, в экуменическом диалоге с православием был необходим не только надлежащий богословский инструментарий — нужны были еще и подробные знания из области политической истории Балкан.

Церкви-сёстры и примат епископа Римского

В ноябре 1979 г. Иоанн Павел II совершил паломничество в Турцию, на территории которой с 1453 г. находится резиденция Патриарха Константинопольского. Вместе с Патриархом Димитрием I он призвал к жизни вышеупомянутую международную Совместную комиссию по делам богословского диалога между католической Церковью и восточными православными Церквями. Она начала свою работу в мае 1980 г. на греческих островах Патмос и Родос, а потом проводила свои заседания в Мюнхене (1982) и Фрайзинге (Бавария, 1990), в православных монастырях Гония (Крит, 1984) и Ново-Валаамском (Финляндия, 1988), в Бари (Италия, 1986-1987), в Баламанде (Ливан, 1993) и — пока что в последний раз — в Балтиморе (США, 2000).

Самой важной была ливанская встреча, где в 1993 г. был подписан документ “Униатство, метод объединения в прошлом, и нынешние поиски полного общения”¹, обычно называемый Баламандским соглашением. Соглашение давало большие надежды, как постоянно подчеркивает член комиссии, польский католический иеромонах о. Вацлав Хрыневич, преодолеть тупик в переговорах, вытекавший прежде всего из “деятельности возрождающейся униатской Церкви, особенно на Западной Украине и в Румынии”. В Баламанде католики от имени Рима подтвердили сделанное во Фрайзинге заявление о методе, который был назван “униатством”: “...мы отрицаем его в качестве способа поиска единства, потому что он противоречит общему преданию наших Церквей” (п.2). Православные же — точнее, только часть их, потому что целых семь Церквей отказались участвовать в этой встрече — признали, что уже существующие восточные католические Церкви “имеют, как часть католической общины, право на существование и на деятельность для удовлетворения духовных нужд своих верующих” (п.3). Ссылаясь на энциклику Иоанна Павла II “*Salvatorum Apostoli*”, обе стороны констатировали: “Церковь Католическая и Церковь Православная взаимно признают друг друга в качестве Церквей-сестер, совместно сохраняющих Церковь Божию в верности ее божественному предназначению, особенно же в отношении единства. По словам Папы Иоанна Павла II, экуменические усилия Церквей-сестер Востока и Запада, основанные на диалоге и молитве, направлены к общению совершенному и всеобщему, которое не может быть ни поглощением, ни смешением, но встречей в истине и любви” (п.14). Тем самым обе стороны отступили от сотериологической исключительности, признав, что и католическая, и православная Церковь позволяет своим чадам спастись.

Содержание соглашения безоговорочно приняли Папа Иоанн Павел II, Патриарх Варфоломей I и Румынский Патриархат. Однако, как с горечью пишет о. Вацлав Хрыневич, “выраженный в переломном документе новый образ мыслей не стал ни в одной из Церквей общераспространенным и общепринятым”. Против соглашения немедленно выступила с протестом ультраконсервативная монашеская община горы Афон, а вскоре и Священный синод Греческой Православной Церкви признал соглашение недостаточно радикальным в критике католического прозелитизма. РПЦ так резко своего отношения не выразила. Соглашение было одобрено синодом епископов РПЦ в 1994 г., но критики подчеркивали, что это было сделано без ознакомления с его текстом. Для современной РПЦ весьма характерна позиция ее Синодальной богословской комиссии, которая сочла

формулировку “Церкви-сёстры” продиктованной скорее эмоциональными, нежели догматическими соображениями — в стиле атеистической публицистики советского периода. Выступили также польские, русские и украинские фундаменталисты, которые не допускают мысли, что можно спастись вне православной Церкви. Другого рода были протесты униатских Церквей, которые ощутили опасность в том, что их не включили в число участников православно-католического диалога. Можно было услышать даже такие мнения, что униатские Церкви оказались преданы Ватиканом; особенно горько высказывались румынские униаты, что в свою очередь ослабило позиции Румынской Православной Церкви. Более примирительно вел себя глава Украинской Греко-Католической Церкви кардинал Мирослав Любачивский, который по размышлении призвал своих собратьев признать это эпохальное соглашение.

Крайне сложное восприятие Баламандского соглашения в православном и католическом мире — яркое доказательство того, что в диалоге Иоанна Павла II с православием вневременные идеи соглашения могут быть еще долгие годы заслонены фундаментализмом и близоруким прагматизмом с обеих сторон. Совершенно прав о. Вацлав Хрыневич, когда пишет: “Уже взгляд в близкое будущее показывает, что такого рода возвышенные дела не совершаются слишком часто. Иногда их приходится дожидаться целые десятки лет. Они обращают наш взгляд к лучшему будущему и открывают новую страницу истории”. Хрыневич видит Баламандское соглашение продолжением таких эпохальных событий в истории Церкви XX века, как встреча Павла VI с Патриархом Афинагором в Иерусалиме (1964), совместная отмена анафемствований Константинополем и Римом (1965) и публикация “Томос агапис” (“Книга любви”) — избранных высказываний высоких представителей православной и католической Церкви, где часто встречается термин “Церкви-сёстры” (1971). Впервые его употребил Патриарх Афинагор в письме кардиналу Аугусто Беи (1962), а у католиков он появился в документе II Ватиканского собора “Unitatis redintegratio” (“Восстановление единства”, ноябрь 1964). Иоанн Павел II говорил в июне 1991 г. в одной из православных церквей Белостока: “Сегодня мы яснее видим и лучше понимаем, что наши Церкви суть Церкви-сёстры. Это не просто фигура вежливости, это основная экуменическая категория еклесиологии”... Сегодня к этому перечню можно прибавить по крайней мере два документа Иоанна Павла II, относящихся к 1995 г.: апостольское послание “Orientale lumen” (“С Востока свет”) и энциклику (окружное послание) “Ut unum sint” (“Да будут едино”).

В послании “С Востока свет”, которое можно считать первым творческим ответом Папы на Баламандское соглашение, Иоанну Павлу II так хорошо удалось описать мистические и монашеские традиции православного Востока, что Сергей Хоружий, выдающийся представитель и знаток православия, написал при публикации к русскому переводу: “Православная икона, литургическая музыка, аскетическая традиция осознаются здесь в качестве ценностей, внятных для католического сознания и способных питать его. Сближение становится внутренним и не может не приводить к осознанию общего духовного корня двух традиций, к созиданию единства христиан изнутри. (...) Выбор тем и акцентов тут очень точен. Эсхатологизм и холизм (религиозное осмысление телесности, материи, космоса), идеал обожения, стержневая роль сферы подвига, монашеско-аскетической традиции — все это действительно ключевые моменты православного мирозерцания; то, как представлена здесь православная традиция, не расходится с ее собственным пониманием себя” (“Вопросы философии”, 1996, №4).

А в энциклике “Да будут едино” Иоанн Павел II затронул тему папского примата и предложил провести об этом дискуссию с православными и протестантами. Он писал, что в прошлом, к сожалению, примат епископа Римского часто рассматривался как привилегия, а не обязательство и служение: “Я убежден, что несу в связи с этим особую ответственность, прежде всего в том, чтобы констатировать экуменические чаяния большинства христианских общин и, внемля обращенному ко мне запросу, найти ту форму осуществления примата, который, никоим образом не отказываясь от сущности своего назначения, был бы открыт к новой ситуации. (...) Не может ли реальное общение, хоть и несовершенное, но существующее между всеми нами, побудить ответственных церковных лиц и богословов начать вместе со мной братский терпеливый диалог на эту тему, в котором мы могли бы выслушать друг друга, не вдаваясь в бесплодные споры, имея в мыслях лишь волю Христа о Его Церкви и проникаясь Его призывом: „и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня” (Ин. 21, 17)?” (приводим по официальному ватиканскому переводу с небольшими стилистическими поправками. — Пер.).

Паломничества в православные страны

Иоанну Павлу II не удалось ступить на русскую и белорусскую землю, не побывал он и на Кипре, в Сербии и Македонии. Прибавим, что Македония была уже почти готова принять Папу в 1993 г., когда он планировал побывать в осажденном Сараеве, в Загребе и Белграде. Однако югославское паломничество не осуществилось из-за бурных военных действий на Балканах, а позднейшие события уже только усиливали его невозможность. Обострившиеся конфликты прошлого успешно оказывали сопротивление экуменическим замыслам Иоанна

Павла II, поддержанным многими участниками обеих сторон православно-католического диалога. Однако в мае 1999 г. состоялось наконец паломничество Папы в Румынию — первое в страну с православным большинством населения со времени разделения Церквей — с 1054 года! Значение этого события, несомненно, оценил глава Румынской Православной Церкви Патриарх Феоктист, который, приветствуя высокого гостя, сказал, что если второе тысячелетие христианства началось разделением Церквей, то теперь, когда оно на исходе, возникла немалая надежда на восстановление единства.

Паломничество проходило в атмосфере понимания того, что хочет сказать Папа, который призывал к взаимопониманию все христианские Церкви в Румынии. “В вашей истории различные течения христианства — латинское, константинопольское и славянское — соединились с изначальным духом вашего народа. Это ценное религиозное наследие, — говорил он, обращаясь к местным католикам, — сохранено вашими греко-католическими общинами и вашими братьями из Румынской Православной Церкви”. Папа выразил также радость по поводу падения коммунизма и поддержку европейским устремлениям Румынии как “страны, соединяющей Восток с Западом”, где “скрещиваются пути Центральной и Восточной Европы”. “Слава Богу, — продолжал он, — после суровой зимы коммунизма наступила весна надежды. После исторических событий 1989 г. и в Румынии начался процесс восстановления правового государства, опирающегося на соблюдение свобод, в том числе и религиозной свободы. Этот процесс, конечно, сталкивается с трудностями, его надо продолжать изо дня в день, защищая правозаконность и укрепляя демократические институты. Я верю, что в деле социального обновления ваша страна сможет рассчитывать на политическую и финансовую поддержку Евросоюза, с которым Румыния связана своей историей и культурой”.

После эпохального румынского паломничества на пути Иоанна Павла II лежала православная Грузия — уже в ноябре 1999 года. Напомним, что Грузинская Православная Церковь — единственная нероссийская автокефальная Церковь на постсоветском пространстве. Статус Патриархата она обрела в 1012 г., в 1811 г. потеряла его, войдя в русскую Церковь, управлявшуюся Священным синодом в Петербурге. Грузинский Патриархат возродился одновременно с Московским, пережил большевистские времена, а в 1990 г. был окончательно признан Константинополем. Грузинское паломничество, разумеется, не могло по своей значительности равняться с румынским, но и в Грузии Иоанн Павел II ставил себе высокие цели. По его собственным словам, он с радостью побывал в этой древней стране, которая приняла христианство еще в IV веке, а на исходе второго тысячелетия христианства переживает новый основополагающий этап своей истории: Грузия, “пользуясь вновь обретенной независимостью, готовится отмечать 3000 летие своего существования и вместе с тем должна отвечать на важнейшие экономические и социальные вызовы. Однако она полна решимости отважно на них ответить, чтобы стать достойным доверия членом объединенной Европы”.

То, что Иоанн Павел II умеет одновременно обращаться к христианским традициям и поддерживать европейские чаяния всех православных стран, было особенно видно во время его паломничеств на Украину и в Болгарию. Первое из них, проходившее в июне 2001 г. под громкие протесты Московского Патриархата, стало новым этапом в осуществлении смелых представлений Папы о Европе от Атлантики до Урала, Европе, дышащей двумя легкими — православным и католическим, Европе свв. Кирилла и Мефодия, св. Бенедикта, Эразма Роттердамского и Федора Достоевского, Ядвиги Анжуйской и Петра Могилы, Андрея Шептицкого и Иосифа Слипкого, Конрада Аденауэра и Андрея Сахарова. В своих киевских и львовских проповедях Иоанн Павел II защищал тезис о принадлежности Украины к христианской Европе, в частности обосновывая это тем, что ее величайшие мыслители — Петр Могила и Григорий Сковорода — умели увидеть и описать общее поле веры и разума. На практике это означало поиски взаимопонимания гуманизма с христианством, **диалога человека с человеком перед лицом Бога**. Обращаясь ко всем гражданам Украины, “от Донецка до Львова, от Харькова до Одессы и Симферополя”, Папа подчеркивал, что эта страна на протяжении многих веков обладала “особым призванием как граница между Востоком и Западом” и “была привилегированным перекрестком разных культур, точкой встречи культурных сокровищ Востока и Запада”.

Экуменический аспект паломничества Иоанна Павла II в Болгарию в мае 2002 г. был обращен и к исповедникам православия в других частях Европы — в Сербии, Белоруссии и прежде всего в России. Произнося речь в Рильском монастыре, Папа сослался на традиции русского православия, говоря о св. Серафиме Саровском и богослове Павле Евдокимове. От имени латинской Церкви он произнес апологию восточных монашеских традиций: “Чем же была бы Болгария без Рильского монастыря, который в самые темные времена отечественной истории поддерживал пламя в факеле веры? Чем была бы Греция без святой горы Афон? Или Россия — без той мириады обителей Духа Святого, которые позволили ей преодолеть ад советских гонений?”

Встречаясь в Софии с представителями науки, культуры и искусства, Папа призывал Европу строить единство, не пренебрегая христианством, и одновременно предостерегал ее от возврата к жестокому наследию XX века: “Тот, кто хочет действительно трудиться при созидании подлинного европейского единства, должен принимать во

внимание исторические факты, красноречие которых неопровержимо. (...) Сталкивать на обочину религию, которая внесла и продолжает вносить свой вклад в развитие культуры и гуманизма — вклад, дающий Европе справедливые основания гордиться, — это для меня проявление несправедливости (...). Когда мы оборачиваемся назад, то должны признать, что рядом с Европой, континентом культуры, с характеризующими ее великими философскими, художественными и религиозными движениями; рядом с Европой, континентом труда, с ее достижениями прошлого века в технологии и информатике, — существует, к сожалению, Европа тоталитарных режимов и войн, Европа крови, слез и самых ужасающих жестокостей”.

По таким основополагающим вопросам Папа очень часто говорил в один голос с виднейшими иерархами всей православной Церкви, которые в таких случаях обычно оставляли свои извечные претензии к Ватикану и католическому миру. Так было во время паломничества Иоанна Павла II в Грецию в мае 2001 г., и прибавим, что это было первое посещение Папой Римским греческой земли почти за 13 веков: последним Папой Римским, побывавшим в Греции — т.е. в тогдашней Византийской империи, — был в 710 г. Константин I... Против приезда Иоанна Павла II громко протестовали многочисленные группы греческих иерархов и православных мирян. Однако огромный экуменический эффект — после *теа суфра* Иоанна Павла II от имени всей католической Церкви и после его совместного заявления с архиепископом Афинским и всея Греции Христодулом — совершенно заслонил опасения православных фундаменталистов. Сначала Папа попросил у греков прощения “за все былые и сегодняшние ситуации, в которых сыновья и дочери католической Церкви согрешили делом и бездействием против своих православных братьев и сестер”, в особенности же за “катастрофическое разграбление города Константинополя” латинскими крестоносцами в 1204 году.

Однако еще важнее и для Папы, и для архиепископа Афинского было будущее Западной и Восточной Европы и достойное место для религии в процессе ее объединения. В этом духе надежды и тревоги главы обеих Церквей огласили на афинском Ареопаге совместное заявление: “Мы радуемся успеху и прогрессу Европейского Союза. Замыслом его первых учредителей было единство европейского континента в одном гражданском организме без утраты нациями их самосознания, традиций и самобытности. Однако появляющаяся тенденция к преобразованию некоторых европейских стран в секуляризованные государства, без малейших отсылок к религии, — это регресс и отказ от духовного наследия. Мы призваны активизировать свои усилия, чтобы могло наступить объединение Европы. Сделаем же всё, что в наших силах, чтобы христианские корни Европы и ее христианская душа остались ненарушенными”.

Затем Иоанн Павел II отправился в Сирию, где, в частности, принял участие в экуменической встрече в греко-православном кафедральном соборе Успения Богородицы в Дамаске — вместе с Патриархом Антиохийским и всего Востока Игнатием IV Хазимом. Тем временем архиепископ Христодул поспешил в Москву с радостной вестью об успехах православно-католического диалога. Однако холодный ответ патриарха Алексия II прозвучал как отповедь греческих мудрецов в ареопаге апостолу Павлу, когда тот объяснял смысл воскресения мертвых: “...об этом послушаем тебя в другое время”.

Фундамент надежды

Не должно ли это свидетельствовать, что миссия Иоанна Павла II в деле взаимопонимания католичества и православия не была понята? Сегодня ясно видно, что “православный труд” Иоанна Павла II — Папы, который никогда не подчинялся исторической необходимости, а героически творил историю, — не могло полностью свершиться в ходе его понтификата и что его преемникам предстоит неустанно его продолжать. Ибо как говорит Иоанн Богослов: “один сеет, а другой жнет”.

4: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “В катастрофе военного самолета CASA трагически погибли бригадный генерал Анджей Анджеевский, полковник Дариуш Мацёнг, полковник Ежи Пилат, подполковник Войцех Маневский, подполковник Збигнев Ксёнжек, подполковник Дариуш Павляк, подполковник Здислав Цеслик, майор Роберт Май, майор Мирослав Вильчинский, майор Гжегож Юлга, майор Здислав Халадус, майор Петр Фирлингер, майор Кшиштоф Смолуха, капитан Кароль Шмигель, капитан Лешек Земский, капитан Гжегож Степанюк, поручик Роберт Кузьма, поручик Михал Смычинский и сержант Януш Адамчик. Глубоко соболезнуя, разделяю боль и скорбь с их семьями, родными и близкими. Президент Республики Польша Лех Качинский с супругой”. (“Жечпосполита”, 25 янв.)
- “В катастрофе 23 января погиб почти весь командный состав 1 й Свидвинской бригады тактической авиации и подчиненных ей подразделений. Бригада имеет на вооружении бомбардировщики Су-22 и истребители МиГ-29”. (“Дзенник”, 25 янв.)

• Полковник Эугениуш Гардас, заместитель командующего 1-й Свидвинской бригадой тактической авиации: генерал Анджей Анджеевский “летал в основном на Су 22. На этих самолетах он достиг высшего уровня летного мастерства, был летчиком-испытателем. У пилота должна быть не только идеальная выучка, но и везение. До сих пор у генерала Анджеевского не было в нем недостатка, как и в твердости духа. При катапультировании от его кресла оторвалась надувная лодка. Он упал в Балтийское море в одном спасательном жилете. Прежде чем его нашли, он провел два часа в холодной воде. Многие другие не выдержали бы этого”. (“Газета wyborcza”, 25 янв.)

• 4 февраля скончался большой друг нашего журнала Стефан Меллер. Он был послом Польши в Москве в 2002-2005 гг., в особенно трудный период украинской “оранжевой революции” и конфликта вокруг Союза поляков Беларуси. Ранее, в 1996-2001 г. он был послом во Франции. Министерство иностранных дел он возглавил в 2005 г., а в 2006 м ушел в отставку, сочтя, что дальнейшая работа в правительстве несовместима с ценностями и принципами, которых он придерживается. Он был профессором истории Варшавского университета, проректором варшавской Высшей государственной театральной школы и научным директором Высшей школы социальных наук в Париже (EHESS). В 1968 г. подвергся гонениям во время антисемитской кампании. В течение шести лет запрета на научную работу был архивариусом, кассиром, преподавателем иностранных языков, репетитором, переводчиком. Стефан Меллер был выдающимся знатоком Франции, особенно периода революции, замечательным переводчиком, поэтом и в то же время выдающимся представителем Польши, “государственным служащим, преданным службе, а это больше, чем дипломат”, — как сказал о нем его многолетний друг Михал Комар. В последние дни жизни он еще успел увидеть первые экземпляры написанной Комаром книги-интервью “Мир по Меллеру” и услышать великолепные рецензии, высказанные ему лично Владиславом Бартошевским и Брониславом Геремеком.

• “В воскресенье уже в 16-й раз прошел финал Большого оркестра праздничной помощи Юрека Овсяка. Хотя подсчет собранных денег еще продолжается, одно известно наверняка: побит очередной рекорд. Уже в понедельник утром на счет фонда было переведено свыше 30 млн. злотых. Это столько, сколько удалось собрать в прошлом году за все время акции, т.е. до 8 марта”. (“Дзенник”, 15 янв.)

• Феномен Большого оркестра. По мнению директора лодзинской больницы им. Марии Конопницкой проф. Ежи Станчика, это “явление, уникальное в Европе, а может, и во всем мире. Акция заключается в том, чтобы помогать детям — хотя они вообще не жалуются. И никогда не будут жаловаться. Это пациенты, которые не ноют (...) Чтобы не улыбаться, такой пациент должен очень страдать (...) Оркестр подхватил это. Мы не запугиваем людей страданиями, а показываем, что каждый может что-то дать другому — совершенно спонтанно (...) Благодаря силе своей личности Овсяк мобилизовал общество (...) Замечательно, что в этот день все люди равны. Неважно, сколько денег они бросили в кружку, откуда они родом (...) Благодаря оркестру мы достигли огромных успехов в кардиологии и кардиохирургии. Мы занимаем одно из первых мест в Европе по устранению врожденного порока сердца (...) Если бы не оркестр, то во многих наших больницах просто не было бы аппаратуры. Больницы получают всё — начиная с детских ложек, весов и инсулиновых помп и кончая точной аппаратурой, позволяющей диагностировать многие болезни (...) Столь масштабной акции, как ежегодный оркестр, нет нигде в мире. Как педиатр я надеюсь, что оркестр будет играть всегда. До конца света и на один день дольше”. (“Дзенник”, 14 янв.)

• “По предварительным данным Главного статистического управления (ГСУ), в прошлом году ВВП вырос на 6,5%. Это самый высокий темп экономического роста за последние 10 лет (...) По данным ГСУ, рост инвестиций составил 20,4% (...) Потребление домашних хозяйств за год увеличилось на 5,2%”. (“Дзенник”, 31 янв.)

• Согласно опросу “Евробарометра”, проведенному по заказу Брюсселя, 71% поляков доволен, что Польша — член Евросоюза. 83% утверждают, что членство приносит Польше выгоду, а 9% придерживаются противоположного мнения. 61% доверяет Еврокомиссии, 60% — Европарламенту и 55% — Совету ЕС (в Польше решениям правительства доверяют 17%, а Сейма — 10%). 76% поляков выступают за дальнейшее расширение ЕС. (“Дзенник”, 4 февр.)

• “По подсчетам ГСУ, в эмиграции живут 2 млн. поляков. Больше всего в Великобритании — 580 тысяч. Со времени вступления Польши в ЕС число уезжающих удвоилось — в конце 2004 г. в странах Евросоюза временно проживало 750 тыс. поляков”. (“Тыгодник повсехный”, 10 февр.)

• “Выезд в Америку интересует поляков все меньше. Только за последние два года число виз, выданных американскими консульствами, уменьшилось на 15% (...) В прошлом году 90 дневные въездные визы в США получили 113 тыс. поляков (...) Это на 16 тыс. меньше, чем два года назад”. (“Дзенник”, 30 янв.)

• “В 2007 г. значительно уменьшилось число желающих перейти на другую работу. В третьем квартале таких людей было всего 722 тыс., т.е. 4,7% от общего числа занятых (...) Годом раньше их число составляло 943 тыс.

человек (6,3% от общего числа занятых) (...) Во-первых, быстро росли зарплаты (...) Во-вторых (...) фирмы стали больше заботиться о своих работниках — например, предлагая им расширенные социальные пакеты или индивидуальные планы карьеры”. (“Жечпосполита”, 14 янв.)

- “У полуторамиллионной армии владельцев частных предприятий есть выбор между полутора десятками организаций, таких как Польская конфедерация частных предпринимателей „Левиафан”, Business Center Club, Всепольская экономическая палата, Конфедерация польских предпринимателей. Однако 98% предпринимателей не принадлежит ни к одной из них”. (“Политика”, 2 февр.)

- “Работники бюджетного сектора и государственных предприятий требуют повышения зарплаты. Для удовлетворения их требований необходимо 13,7 млн. злотых (...) Сумма, которой они добиваются, колеблется от 200 до 1500 злотых на одного человека (...) Повышения зарплаты требуют учителя (...) врачи и медсестры (...) работники налоговых служб и таможенники (...) шахтеры и железнодорожники”. (“Жечпосполита”, 19-20 янв.)

- “Польские границы парализованы. Вчера из-за нехватки таможенников прекратили работу автомобильные пропускные пункты на границе с Украиной (...) морской терминал в Гдыне и железнодорожный — в Малашевичах. Транспортные предприятия теряют деньги и угрожают блокадой Варшавы (...) Таможенники массово уходят в отпуска и берут больничные. Таким образом они требуют повышения зарплаты, усиления правовой защиты, пенсионных льгот и расширения штатов”. (“Дзенник”, 25 янв.)

- “Более 3 тыс. фур стоят в очередях, длина которых составляет в общей сложности 90 километров. Приостановлен экспорт по железной дороге. Потери транспортных фирм оцениваются в несколько сот миллионов злотых (...) Правительство в Минске хочет, чтобы Брюссель выплатил белорусским транспортникам компенсации за потери, связанные с блокадой польских пограничных пунктов”. (“Жечпосполита”, 29 янв.)

- “Конец забастовки на границах. Таможенники выходят на работу (...) Грузовики тронулись, очереди уменьшились, хотя предложения правительства остались прежними: 500 злотых прибавки и отмена предписаний, согласно которым при подозрении в коррупции таможенник автоматически теряет работу”. (“Дзенник”, 1 февр.)

- “Спираль финансовых ожиданий раскрутилась не на шутку, а борющиеся за свои интересы (иногда совершенно справедливо) профессиональные группы начинают терять инстинкт самосохранения (...) Правительство Дональда Туска оказалось в крайне неприятной и чрезвычайно неблагодарной ситуации — его заливают волна требований повысить зарплату. Внезапно вырвалось наружу то, что нарастало годами”. (Войцех Романский, “Жечпосполита”, 31 янв.)

- “Польша находится в лучшей экономической ситуации за всю свою тысячелетнюю историю. ВВП растет в темпе более 6%, уровень безработицы самый низкий за последние десять лет и будет продолжать падать. Несмотря на пертурбации в мировой экономике, конъюнктура в ближайшее время должна оставаться благоприятной. При одном условии — что мы сами ее не ухудшим. А ухудшение экономической ситуации, похоже, предстоит: протестуют врачи, медсестры, учителя, шахтеры и таможенники. Забастовками грозят также железнодорожники, прокуроры и полицейские, а „Солидарность” собирается объявить всепольскую акцию протеста. Столь масштабных протестов в Третьей Речи Посполитой еще не было. Никогда не было и столь высоких требований, в среднем составляющих больше половины средней зарплаты или, если угодно, денег, которые получает половина людей, работающих в областях, где зарплату определяет рынок. Это просто контрреволюция (...) Протестующие твердо настаивают на своих требованиях и не считаются с их последствиями (...) В Польше бастуют отнюдь не те, кого особенно эксплуатируют, кому грозит безработица или кто мало зарабатывает. Напротив, протестуют профессиональные группы, уверенные, что они не останутся без работы, с самыми высокими в стране зарплатами и широкими социальными льготами (...) Они уверены, что им ничто не угрожает, ибо их забастовки, независимо от экономических и общественных последствий, остаются безнаказанными. К тому же они уверены, что вследствие дезорганизации важных сфер жизни их требования будут практически полностью выполнены”. (Михал Зелинский, “Впрост”, 10 февр.)

- “Совет монетарной политики повысил учетную ставку Польского национального банка на 25 базисных пунктов — до 5,25% (...) Помимо ситуации на рынке труда это решение было обусловлено также экономическим ростом, удерживающимся на уровне выше потенциального, сильными требованиями улучшения оплаты труда и характером бюджета на 2008 год. Кроме того, рост цен на продукты питания рассматривается уже не как кратковременный спад предложения, но как устойчивый процесс, который в долгосрочной перспективе будет влиять на инфляцию (...) Из-за растущих требований работников государственного сектора тенденция к повышению зарплаты, способствующая росту инфляции, будет сохраняться”. (“Дзенник”, 31 янв.)

- “Последние четыре года Агентство материальных резервов систематически распродает резервы продуктов питания, чтобы получить деньги на свое содержание и хранение остальных запасов — лекарств и топлива (...) Мяса у Агентства уже вообще нет, а запасов зерна хватит самое большее на один день (...) Страна находится в безопасности, когда резервов хватает по меньшей мере на 30 дней”. (“Газета wyborcza”, 29 янв.)
- Тадеуш Сирийчик, бывший министр промышленности и министр транспорта, а также бывший представитель Польши в совете директоров Европейского банка реконструкции и развития: “Время великих реформ кончилось. Большинство людей, для которых главной мотивировкой и мобилизующим фактором было реформирование страны, уже ушли из политики или были отодвинуты на второй план. Это неслучайно (...) Когда такое время кончается, в политику приходят представители общества, способные поддерживать с ним хорошие отношения и не „угрожать” тем, что они будут от него чего-то требовать или, не дай Бог, ожидать жертв (...) „Гражданская платформа” (ГП) — несомненно, более прорывная партия, чем „Право и справедливость” (ПиС), но и она решила не делать программу реформ своей визитной карточкой (...) Сегодня многое можно сделать, не прибегая к революционным и политически рискованным изменениям. Достаточно лишь последовательно внедрять тщательно разработанные программы по улучшению качества жизни населения, совершенствованию государства, учреждений и публичных услуг, и контролировать их выполнение так, чтобы это было заметно обществу (...) Люди ГП были и остаются прежде всего политиками, а не реформаторами. Правительство Туска, памятуя о недавних успехах популистов — „Самообороны” и „Лиги польских семей”, — действует осторожно. Каждое правительство должно найти равновесие между своей программой и общественным согласием. Туск явно сместил центр тяжести в сторону поисков одобрения (...) Революция кончилась. Разработка партийных программ становится лишь элементом пиара. Речь идет о том, чтобы показать подготовленные документы без особого желания претворять в жизнь радикальные идеи и без внутрипартийной дискуссии о программе (...) Туск — ловкий политик (...) Он стоит перед лицом различных интересов разнообразных профессиональных групп (...) и органов местного самоуправления (...) Вдобавок уровень безработицы падает. Соответственно поле для маневра достаточно широкое и, скорее всего, этот шанс не будет упущен (...) Политические партии (...) это группы людей, заинтересованных в сохранении своих позиций и в приходе к власти. Они борются не за программы, а за имидж. Лидер становится фирменным знаком партии, а все остальные подыгрывают ему (...) Пока что „Платформа” очень ловко создает себе образ дружелюбной и бесконфликтной партии (...) Она подает себя как группировку с разумными экономическими взглядами, но готовую к переговорам (...) современную, но далекую от крайностей”. (“Газета wyborcza”, 2-3 февр.)
- Согласно опросу ЦИМО, в конце января за ГП проголосовали бы 54% поляков (что дало бы ей 301 место в Сейме), за ПиС — 27% (131 место), за “Левых и демократов” — 9% (26 мест), за крестьянскую партию ПСЛ — 4%, за “Самооборону” — 3%, за “Лигу польских семей” — 1%. Избирательный барьер составляет 5%. (“Дзенник”, 31 янв.)
- “Правление ПиС привело к деформации не только политики, но и всей публичной сферы. Часть СМИ вжилась в роль пропагандистского рупора и приводного ремня власти (...) Раньше СМИ не позволяли политикам использовать себя так явно и в таком масштабе, не были с властью в столь близких отношениях (...) Независимых, критически настроенных СМИ становилось все меньше (...) Б&